

Е. Д. Гончаренко
(Минск)

Динамика нормы в современном белорусском языке и диалектная основа

В современных белорусских литературных произведениях, СМИ, сценической речи наблюдается тенденция активного использования диалектной лексики, словообразовательных вариантов и грамматических форм. При этом авторами в первую очередь ставится задача популяризации редких и отличительных номинаций, нежели передачи особенностей определенного говора. Диалектной базой белорусского литературного языка являются так наз. среднебелорусские говоры, прикрепленные к этнокультурному и административному центру (Цыхун 1993: 17). По мнению П.А. Михайлова, литературный язык принял в качестве нормы те особенности центральных говоров, которые характерны для большинства белорусских говоров (СБЛМ-2017: 23). В связи с активным и даже чрезмерным введением региональных вариантов важно выяснить, речевые особенности какой территории оказывают наибольшее влияние на представление о норме.

1. Популярные пуризмы и их фиксация в диалектной речи

Среди наиболее часто используемых в последние 10 лет лексических вариантов большинство фиксируется в словарях, отражающих речь западной части Беларуси (см. табл. 1). Выходят за рамки узкого территориального употребления и лексемы, характерные для центральной и восточной частей. Так, приверженцы пуристических идей стремятся популяризировать как настоящее белорусское слово лексему *імбрык* (*імбрычак*) ‘чайник для заварки’ < польск. *imbryk* от турец. *ibrik* (ЭСБМ, т. 3). Например, название интернет-магазина *imbryk.by*. Людмила Буркевич збірае *імбрычкі*. (rh.by, 03.05.2015). Однако в словарях *імбрычак* все еще указывается как устаревшая единица (ТСБЛМ-2016). Ареал распространения слова захватывает в основном среднебелорусские говоры; следовательно, имеет основания для возвращения в активный запас. Северная граница: Браслав – Докшицы – Чашники – Крупки – Осиповичи – Жлобин – Лоев,

южная: Вороново – Слоним – Слуцк – Глуск – Брагин (ЛАБНГ, т. 4, к. 422). Однако не для всех представителей указанной территории данное слово является привычным, что подтверждают заметки в газетах г. Осиповичи, Глуск Могилевской обл. (gzt-akray.by/osipovich, 14.06.2016, glusk.by, 26.02.2014). Номинация *імбрык* распространяется и на семантику близких предметов. В письменной и устной речи это не только ‘заварник’, как например, тут: *Яна* [«гарбата» ‘чай’. — Е. Г.] *засыпаецца ў імбрык і заліваецца кіпнем з чайніка*. (В. Пуставіт, *zviazda.by/be/news/20160220*). Это также и ‘чайник для кипячения воды’: *Вось тады ўладальніца “закіпала”, нібы той імбрык на пліце* (Н. Філон, Верасень. № 10. 2014: 86). А еще — ‘электрический чайник’: *Я ўжо два гады як электрычны імбрык на антрэсолі закінуў* (nv-online.info, 23.08.2016). Кроме того, появился дублет *гарбатнік* < *гарбат-а* ‘чай’ + суффикс *-нік-* по аналогии со словом *чайнік*. *Вучыць называць прадмет посуду (талерка, гарлач, лыжка, шклянка, гарбатнік, цукарніца)* (*sad5zhlobin.schools.by*, 13.11.2018).

По данным собственного опроса, 18,3% белорусскоязычных молодых респондентов в межличностном общении используют *гаманец* вместо слова *кашалёк* ‘кошелек’ (Шчасная 2017: 88). Широко это слово употребляется на сайтах магазинов одежды с этнической символикой: «*Гаманец скураны чорны з вышыўкай «васьмірог»* (*symbal.by/t/765-corny-hamaniec-vasmiroh*). Лексема *гыманец* фиксировалась в КСУМ (Могилевская обл.) как уменьш. от *гыман* ‘сумочка (полотняная сумочка), мошна для денег’. Одна из версий происхождения слова — турецко-арабское *hammāl* (ЭСБМ, т. 3). *Гаман (гаманець)* ‘1. кожаная сумочка для денег; 2. бумажник’ (СУМ, т. 3) — литературное слово в украинском языке. Лексема встречается у литераторов преимущественно 1970–1980-х гг. рождения, при этом выделяется группа уроженцев Могилевской обл.: В. Рыжков, А. Емельянов-Шилович, Брестской: Н. Бабина, А. Поплавский и Гомельской обл.: С. Балахонов. *У гаманцы худым — няма ісіці куды* (А. Емельянаў-Шыловіч, Маладосць. № 5. 2013: 18).

2. Активизация диалектных названий животного и растительного мира

В современных литературных произведениях, особенно детских, заметно замещение общеупотребительных названий объектов растительного и животного мира на диалектные. Например, бел. *кірга* (*кірля*) вместо бел. *чайка* < *кірга* (РСВ), *кірхаць* ‘крик птицы, лягушки’ (ТС), лит. *kiras* ‘чайка’, *kirkauti* ‘громко кричать’ (LRKŽ) у писателей О. Гапеевой, С. Мин-

Таблица 1.

**Лексикографическая фиксация в словарях
популярных лексических диалектизм**

лексема	значение		словари			
	бел.	рус.	СПЗБ	ТС	РСВ	КСУМ
вѣжаваць	сачыць, выглядваць	следить, выглядывать	+	-	-	-
гаманец	кашалёк	кошелёк	-	-	-	+
зэдлік	услончык, табурэт	маленькая низкая лавочка; табуретка	+	+	-	+
імбрык	чайнік для заваркі, чайнік	чайник для заварки, чайник	+	-	-	+
матуз (матузок)	шнурок, завязка ў адзенні, вяроўка	шнурок, завязка в одежде; веревка	+	+	+	+
налета	на наступны год	на следующий год	+	-	+	+
ставаць	хапаць, мець у дастаковай колькасці	хватать, иметь в достаточном количестве	+	+	+	-
файны	цудоўны	замечательный	+	+	-	+

скевича. Наиболее популярными парами дублетов являются *котка* – *кошка*, *мятлік* – *матылёк*, *багоўка* – *божская кароўка*, *шашок* – *тхор* ‘хорек’.

Лексема бел. *котка* активизировалась, очевидно, под влиянием польского языка, где является нормативной — *kotka*. *Ёсць яшчэ песня пра котку, якую я магу праспяваць для іх* [дзяцей] (Г. Чумакова, «Дзяблог». Беларусь-3. 24.11.2014). *Толькі наша котка Мурка нешта сёння не пяе*. (А. Варанец, стихотв. «Пакарміце Мурку», veselka.by/?p=9802, 01.02.2017). В белорусской диалектной речи вариант *котка* выявлен в отдельных западных районах: Поставском, Сморгонском, Воложинском, Вороновском, Гродненском, Новогрудском (ОЛА-лс, вып. 2, к. 16). Бел. *шашок* этимологически связывают с лит. *šėškas* ‘хорек’ (СПЗБ, т. 5; LRKŽ). В диалектной речи слово имеет широкое распространение по северо-западу по линии Гродно – Минск – Витебск (ОЛА-лс, вып. 1, к. 8). В СМИ встречается в основном в независимых изданиях («Наша ніва», «Рэгіянальная газета» (г. Молодечно и соседние), а также в литературных текстах. *Гэта і сапраўды аказаўся шашок*. *Спінка яго стала чорна-бурай, а жывоцік — колеру спелай саломы*. (У. Шулякоўскі, рассказ «Напарстачак», veselka.by/?p=10577, 28.07.2017).

Также литераторы всё чаще употребляют вместо *божся кароўка* лексему *багоўка*. *Прыгоды багоўкі Лесі* (В. Грамыка, veselka.by, 05.06.2019). Единица бел. *багоўка* (*богава кароўка*) фиксируется по некоторым пунктам Витебской, Могилевской, Гомельской и Гродненской обл. (ОЛА-лс, вып. 1, к. 44; ЛАБНГ, к. 353) и в диалектных словарях: СПЗБ, РСВ, КСУМ. Получило распространение слово *мятлік* вместо *матылѣк*. В диалектной речи данный дублет распространен по Витебской обл. и дальше по линии Борисов – Березино – Быхов – Корма (ОЛА-лс, вып. 1, к. 45, ЛАБНГ, к. 355). В региональных СМИ слово *мятлік* зафиксировано в газетах Витебска, Миор, Лепеля, Островца, Молодечно (северо-западный регион), Ганцевичей (Брестская обл.), т. е. расширило свое употребление на западную территорию. *Кожнаму з нас хочацца, каб побач квітнелі расліны, спявалі птушкі, жылі звяркі, мятлікі, мурашы і іншыя насельнікі нашай планеты* (mijory.by, 12.09.2011). Активно пропагандирует данную лексику писательница Оксана Спринчан (например, название ее творческого вечера «Год Аксамітнага мятліка»), хотя слово не характерно для региона ее рождения (Брестская обл.). Семантика лексики *мятлік* охватила и значение ‘галстук-бабочка’. *Як ніколі сёння сталі папулярнымі цішоткі* [‘футболки’. — Е. Г.] *з арнамантам, гальштукі і мятлікі з нацыянальнымі ўзорамі* (ostrovets.by, 18.12.2016). Следует помнить и о наличии омонима *мятлік* ‘травянистое растение сем. злаковых’: Тут *ужо зацвілі цімафеёўка, мятлік, аўсяніца* (klich.by/?p=2401, 15.06.2011, Шарковщинский р-н, Витебск. обл.).

Если отобразить распространение диалектных названий животного мира (см. карту 1), то заметим, что наложение ареалов употребления лексем *шашок, котка, багоўка* совпадает с линией северо-западной диалектной зоны (Гродно – Минск – Витебск), а *мятлік, багоўка* — с линией северо-восточных говоров (Поставы – Борисов – Корма). Все 4 единицы фиксируются на территории Витебской области. На территории среднебелорусских говоров совпадение распространения трех лексем — в Сморгонском р-не Гродненской обл., двух — в Воложинском р-не Минской обл. и Чечерском р-не Гомельской обл.

Активизировались и некоторые региональные названия растений. Диалектная лексема *кіях* употребляется в основном в значении ‘початок кукурузы’: *Крочыў паўз кукурузнае поле, раструшчаваючы пантофлямі маладыя кіяхі* (А. Ивашчанка, рассказ «Трусіная нара», dziejaslou.by/old) либо в контексте, подразумевающим кукурузу в общем значении: *Збожжа, бульба, кіяхі — пачастунак неблагі* (Петрыкаўскія навіны, Гомельск. обл., 14.09.2017). Данное слово фиксируется всеми рассматриваемыми

диалектными словарями (КСУМ, ТС, СПЗБ, РСВ). По материалам ОЛА-лс (вып. 4, к. 54–55) линия распространения лексемы *k'ija'x'i* ‘кукуруза’, *k'i'jašn'ik* ‘поле, с которого убрана кукуруза’ — от Столинского р-на Брестской обл. по Гомельской обл. к югу Могилевской (Бобруйск – Кличев – Славгород), что затрагивает все группы говоров. Журналисты и литераторы при описании синего полевого цветка делают выбор в пользу варианта *валошка*, а не *васілёк* (в ТСБМ-1977–1984, ТСБЛМ-2016 отмечены как литературные синонимы). *Спачатку ў праёме з'явілася русая галоўка чатырохгадовага праўнука Алёшкі, а потым букецік нябесна-сініх валошак* («Газета Слоні́мская», Гроднен. обл., gs.by, 29.10.2014). Название «Валошка» появилось на упаковке белорусского мороженого з лепестками васильков и семенами льна. Номинация *валошка* характерна для юго-западных говоров и полесского диалекта (ЛАБНГ, т. 1, кк. 233, 229), для центральной и северной Беларуси — *васілёк*.

Лексема *трускалка*, обозначающая садовую землянику, клубнику, зафиксирована в ТСБМ-1977–1984 (т. 5, кн. 1), ТСБЛМ-2016 как равноправная к *клубніцы*. Согласно диалектным словарям (СПЗБ и ТС), ареал распространения слова *трускаўкі* — запад и юг Беларуси, также в КСУМ — *трускаць* ‘есть много сырых овощей и фруктов’. Сравним с польск. литерат. *truskawka* ‘клубника’. По сводным диалектным материалам тематического словаря «Расліны свет» (РС-2001: 169, 222, 335) получаем линию распространения лексемы *трускаўка* (*трыскалка* и т. п.) по пунктам – Браслав – Чашники – Столбцы – Столин. Как указывают авторы указанного издания, данный ареал в большей степени совпадает с западной диалектной зоной (РС-2001: 222). В публикациях региональных СМИ преобладает лексема *клубніцы*. *Трускалкі*, что примечательно, — в газетах районов, расположенных как раз по вертикальной линии, разделяющей Беларусь на западную и восточную части: Верхнедвинск – Минск – Воложин – Несвиж – Ганцевичи. *Укроп ёсць, трускалкі, чорныя парэчки* (nesvizh-news.by, 07.09.2018). Республиканская газета «Звезда» и независимое интернет-издание «Наша ніва» используют два варианта: *трускалкі і клубніцы*.

Совпадение фиксации всех 3 лексем (*кіяхі, валошка, трускалкі*) — на территории Столинского р-на Брестской обл., 2 лексемы (*кіяхі* и *валошка*) — в Столинском р-не и всей Гомельской обл. (часть юго-восточной диалектной зоны), 2 лексемы — *трускалкі* и *валошка* — в Столбцовском р-не Минской обл. (среднебелорусские говоры) (см. карту 2).

3. Влияние диалектной речи на появление словообразовательных вариантов

Получили распространение и некоторые диалектные словообразовательные варианты (см. табл. 2). Например, суффикс *-онак* при обозначении молодых существ, характерный преимущественно для северо-восточных говоров и частично среднебелорусских по линии Поставы – Молодечно – Борисов – Могилев – Бобруйск – Жлобин – Чечерск (ОЛА-лс, вып. 2, кк. №№ 25–34), закрепился в лексеме *дзіцёнак* (сравн. бел. норм. *дзіця*). Данное слово можно услышать в интервью со столичными артистами. *Дзіцёнка?* Будзе, але не зараз (П. Харланчук, актер, программа «Пинкод», Беларусь-2, 14.02.2017). *У нас з маім дзіцёнкам — ужо чатыры* [человека в семье — Е. Г.] (Palina, «Крэўнасць», международ. радио «Беларусь», 11.12.2016). Стало популярным еще одно слово из северо-восточной группы говоров: *маладзён* ‘молодой человек в общ. знач.; представитель молодежи’: *Не ў карэце, як той князь высокі, — Маладзён на ровары імкне!* (Я. Пясецкі. *zviazda.by*, 06.07.2016). Данное значение ‘молодой мужчина’, а также ‘жених’ отражено в РСВ; в ЛАБНГ, т. 5, кк. 283–284 *маладзён* – только ‘жених до свадьбы, жених на свадьбе’ (Витебский, Ушачский, Лепельский р-ны).

Словообразовательный вариант *смакоцце*, фиксировавшийся в Житковичском р-не Гомельской обл. (слуцко-мозырьская группа юго-западных говоров) (ТС, т. 5), начал вытеснять лексему *смаката*. *Якое смакоцце!* (А. Карлюкевіч, кн. «Мудры Шубуршун», 2014: 21); *Яны прынеслі на мерапрыемства такое смакоцце, што журы разгубілася* (Ашмянскі веснік, Гроднен. обл., *osh.by*, 06.10.2018). В ТСБМ-1977–1984 (т. 5. кн. 1) лексема *смакоцце* подавалась как равноправная без стилистических помет к разг. *смаката*, в ТСБЛМ-2016 она отсутствует, в ГСН — обе лексемы без помет.

Достаточно неблагоприятную ситуацию для усвоения норм речи представляет употребление диалектных вариантов местоимений: *ейны* (*ягоны*), *гэны*, *тутака* (*тамака*). *Усе бачылі: тутака маё!* (спектакль «Офіс», НАДТ им. Янки Купалы, 2011). *Два ейныя вокі размешчаныя на адным баку* (С. Мінскевіч, кн. «Вялікія прыгоды Какоса-маракоса», 2015: 137). *Хай гэну лайдачку гусак убрыкне!* (Р. Барадулін, кн. «Выпаў грук у грома з рук», 2009: 102). И совсем неприемлемой является рекомендация в пособии по изучению белорусского языка для иностранцев диалектных вариантов личных местоимений *ягоны*, *ейны*, *іхні* с преимуществом над литературными *іх*, *яе*, *яго* (Рамза 2010: 37).

Образование указательного местоимения *гэны* вместо *гэты* А. А. Кривицкий называл результатом уникального взаимодействия на северо-западе Беларуси белорусского языка (вероятно, от древ. *оный*), литовского (местоимение *anas(-a)* ‘*тот, эта*’) и польского (местоимение *ten* ‘*тот*’) (Кривіцкі 2017: 159–160, 163). Словообразовательные варианты местоимения *тут* – *тутака*, *там* – *тамака* широко распространены в диалектной речи почти по всей Беларуси за исключением крупных городов и приграничья с Россией. На территории полесских говоров употребляются также варианты *тутачкі*, *тамачкі* (ЛАБНГ, т. 2, к. 121, т. 5, к. 245).

Если представить на карте распространение в говорах суффикса *-онак* в названиях молодых существ, местоимения *гэны*, суффикса *-ака* в местоимениях *тут* и *там* (см. карту 3), то все языковые явления совпадают по линии Молодечно – Браслав – Ушачи – Борисов (полоцко-минская группа северо-восточных говоров, частично среднебелорусские); *-ака*, *-онак* — на юго-востоке: Бобруйск – Жлобин – Чечерск – Славгород (преимущественно среднебелорусские говоры).

Таблица 2

Фиксация в словарях словообразовательных диалектизмов

лексема	значение		словари			
	бел.	рус.	СПЭБ	ТС	РСВ	КСУМ
гэны	гэты	этот	+	–	+	–
дзіцёнак	дзіця	ребенок	–	–	+	–
ейны	яе	её	+	–	–	+
маладзён	малады чалавек	молодой человек	–	–	+	–
пачувацца	адчуваць сябе	чувствовать себя	+	+	–	–
смакоцце	смаката	вкусотища	–	+	–	–
тутака	тут	тут	+	+	–	–
ягоны	яго	его	+	–	–	+

4. Динамика грамматических форм глагола и диалектная основа

В современных литературных произведениях, публикациях СМИ замечается употребление формы повелительного наклонения с окончанием *-ма*, что связывается с влиянием диалектной речи (СБЛМ-2017: 287; СБММ: 172). Зафиксированные примеры в основном иллюстрируют ситуации разговорной речи: — *Ото, сядайма, ды вын’ем!* — *запрасіла яна*

жанчын (У. Гаўрыловіч, Польшыя. № 5. 2018: 42). В том числе это касается глаголов с постфиксом *-ся*: **Збіраймася ўсе!** (vk.com/wall-2076358_1218). **Трымаймася бліжэй да перажытага...** (zviazda.by, 24.10.2015). Обратим внимание, что формы повелительного наклонения на *-ма* рассматриваются как возможные только для глаголов, заканчивающихся на согласный в форме 2-го лица ед. числа: *адзень* – *адзеньма* (СБМ-па: 338). Глаголы повелительного наклонения *кіньма*, *станьма*, *сядзьма*, указаны среди примеров правописания мягкого знака (Правілы 2008: 23). Также стали встречаться формы 1-го лица мн. ч. изъявит. наклонения нетематических глаголов: *ямо*, *дамо* вместо *ядзім*, *дадзім*. *Усё датычна таго, <...> што мы ямо* *кожны дзень* (С. Курганова, Літаратура і мастацтва, 26.01.2018: 6). При этом глаголы с *-ма* (*-мо*) могут и не использоваться авторами и изданиями, которые придерживаются пуристических взглядов. **Вясна! Глядзім наперад з усмешкай!** (vk.com/siadziba?w=wall-73027848_18123).

Окончания *-ма/-мо* 1 лица мн. ч. характерны для речи гродненско-барановичской группы юго-западных говоров и полесского диалекта: повелит. *бўдз'ма*, *стараймас'а*, изъявит. наст. *ждемо́*, *маўчымо́*, буд. *пагл'адз'имо́* (Мацкевіч: 153–159; 243). Формы повелит. наклонения с *-ма* указывались в учебниках нач. XX в.: *бярэма*, *кіньма* (БГ-1918: 98), *ежма*, *уцякайма* (ШГБМ-1927: 84), употреблялись в литературе всего XX в.: **Давай лепш музыкі *паслухайма!* ...Так *сядзьма* вось у лаўкі!** (К. Каганец, 1902 г. // knihi.com); **Давайма жыва ўсё на стол!** (І. Мележ, 1976 г. // knihi.com). Заметим, украинские лингвисты положительно оценивают использование на практике специфических для украинского языка форм повелит. наклонения с окончаниями *-мо* (*-імо*): *звернімося*, *погляньмо*, *заспіваймо* без вспомогательного глагола *давайте* (Городенська 2017: 20).

В сценической речи, печати как элементы разговорного стиля употребляются глаголы I спряж. 3-го лица ед. ч. с окончанием *-ець* (*-ёць*), реже — *-іць* (*-ыць*). К примеру, в спектакле «Пахавайце мяне за плінтусам» НАДТ имени Якуба Коласа г. Витебска, 2017: *Вунь ён ідзець*, в спектакле «Рэвізор» (НАДТ имени Янки Купалы, 2018): *жывёць*, *плывёць*, *памроць*. Первое драматическое произведение — перевод с русского языка на белорусский, во втором — использована смешанная белорусско-русская речь, так наз. «трасянка», и заметны диалектизмы, характерные для Могилевщины: *ішчо* ‘еще’, *саўсем* ‘совсем’ и др. Тут прослеживается определенная связь с ареалом северо-восточной группы говоров (Витебская, Могилевская и восток Минской обл.): *расц'ец'*, *кладз'ец'*, *ідз'ец'*, *пól'иц'*, *кажыц'* (Мацкевіч: 121–122). Но глаголы с *-ець/-іць* могут ис-

пользоваться даже носителями языка, родившимися в другой местности, поэтому возможно предположить влияние системы русского языка. *Зрабіла шэраг эпизодаў: «коцік кушаіць, гуляіць»* в автобиографической статье М. Латышкевич, уроженки г. Бреста (Бярозка. № 1. 2019: 8). Еще версия – активизация окончания *-ець* глаголов 3-го лица ед. ч. как элемента разговорного стиля, что подтверждает интернет-комментарий: *У мяне тут усё пуцём* (разг. фразеол.) *і такога не будзець* (диал.) <...> *нікагда...* (интерф. бел. *ніколі*) (m.nn.by/ru/articles/203139/comments).

Если обозначить на карте изоглоссы окончаний *-ма* (*-мо*), *-ець* (*-іць*), получаем, что на базу литературного языка влияют противоположные юго-западные грамматические формы, претендующие на нормативность, и северо-восточные, стремящиеся в разговорный стиль. При этом территория объединения двух изоглосс — Кировский и Кличевский р-ны Могилевской обл. — попадает в зону среднебелорусских говоров (см. карту 4).

5. Следует обратить внимание на **ошибки, вызванные неправильным употреблением диалектизмов**. Так, в последние годы понятие ‘одинокий’ выражается не прилагательным *адзінокі*, а *самотны* (СПЗБ, т. 4). Это касается и всей деривационной цепочки. *Эксл Роўз <...> фактычна адышоў ад спраў і стаў жыць самотнікам* (І. Падрэз, программа «Легенды Live. Guns N’Roses». ОНТ, 11.05.2015), сравн. бел. *адзіночка* ‘одиночка’. И хотя в ТСБМ-1977–1984, ТСБЛМ-2016 *самотны* ‘одинокий’ — 1-е значение, смысловые ошибки могут возникнуть из-за пересечения со вторым значением прилагательного *самотны* — *сумны* ‘грустный’. Например, в словосочетании *самотная старасць*, сложно определить одну из семантик, так как обе являются логичными. Слова *самотны* нежелательно употреблять для неодушевленных существительных: к примеру, в календаре «Не маўчы па-беларуску» (2016) есть иллюстрация и подпись *самотны човен* (рус. *одинокий челн*), а также создавать тавтологию: *Вам сумна і самотна?* (nn.by, 19.01.2017). Кроме того, журналисты не всегда используют диалектное слово в достоверном значении, что может сформировать неправильное представление у читателя. *Пустую хату на зіму мала надзейна замкнуць, каб не залезлі якія лёзныя людзі ды не пакралі ці не папсавалі нажытае некалькімі пакаленнямі* (zviazda.by, 07.09.2018). Здесь прилагательное *лёзныя* имеет негативное значение ‘воры, недобросовестные люди’, но по словарям его значение противоположное — *лёзны* ‘ласковый, вежливый’ (СПЗБ), ‘ласковый, нежный’ (РСВ), вероятно, от лит. *laižyti* ‘лизать’ (LRKŽ), так как указанное в СПЗБ т. 2 лит. *liūoži* ‘уважать’ не нашло подтверждения.

Таким образом, на современном этапе некоторые лексические, грамматические и словообразовательные диалектизмы всех групп говоров активизируются в литературной белорусской речи и вытесняют привычные лексемы и формы. Точки пересечения рассматриваемых языковых явлений больше соответствуют зональному делению (ЛГБГ: к. 76, 77). По количеству представленных на реконструированных картах явлений лидирует запад Витебской обл. (9), далее — Гродненская область (8) и г. Молодечно (6). Данная территория является частью северо-западной диалектной зоны. Далее можно выделить территорию, значительно совпадающую с юго-восточной диалектной зоной: Бобруйск – Кировск – Чечерск Могилевской обл. (6), Столинский р-н Брестской обл. (5), Гомельская обл. (4). Точки соединения даже отдаленных языковых явлений частично попадают на территорию среднебелорусских говоров, а значит, имеют предрасположенность к закреплению в литературном языке.

Литература и сокращения

- БГ-1918 — *Тарашкевіч Б. А.* Беларуская граматыка для школ. Вільня, 1918.
- Городенська 2017 — *Городенська К. Г.* Граматичний стандарт української літературної мови і сучасна практика // Граматичні студії: зб. наук. праць / Донецький нац. ун-т імені Василя Стуса; наук. ред. А. П. Загнітко. Вінниця, 2017. Вип. 3. С. 17–21.
- ГСН — Граматычны слоўнік назоўніка : А – Я / навук. рэд. В. П. Русак. Мінск: Беларус. навука, 2013.
- Крывіцкі 2017 — *Крывіцкі А. А.* Выбраныя працы / навук. рэд. В. М. Курцова. Мінск, 2017.
- КСУМ — *Бялькевіч І. К.* Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны, 1970.
- Мацкевіч 1959 — *Мацкевіч Ю. Ф.* Марфалогія дзеяслова ў беларускай мове. Мінск, 1959.
- ЛАБНГ — Лексічны атлас беларускіх народных гаворак: у 5 т. / пад рэд. М. В. Бірылы. Мінск, 1993. Т. 1. Раслінны і жывёльны свет.
- ЛГБГ — Лінгвагеаграфія і групоўка беларускіх гаворак: карты / Р. І. Аванесаў [і інш.]. Мінск, 1969.
- НАДТ — Национальный академический драматический театр.
- ОЛА-лс — Общеславянский лингвистический атлас: Сер. Лексико-словообразовательная. Вып. 1. Животный мир / гл. ред Р. И. Аванесов. М., 1988; Вып. 2. Животноводство / под ред. Я. Басары и др. Варшава, 2000; Вып. 3. Растительный мир / гл. ред. А. И. Подлужный. Минск, 2000; Вып. 4. Сельское хозяйство / под ред. А. Ференчиковой и др. Братислава, 2012.
- Правілы 2008 — Правілы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі. Мінск, 2008.

- Рамза 2010 — *Рамза Т. Р.* Беларуская мова: з задавальненнем! Для замежных навучэнцаў. Мінск, 2010.
- РС-2001 — Раслінны свет: тэматычны слоўнік / В. Д. Астрэйка і інш.; навук. рэд. Л. П. Кунцэвіч, А. А. Крывіцкі. Мінск, 2001.
- РСВ — Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны: у 2-х ч. / Л. І. Злобін, Г. К. Семьянькова [і інш.]. Віцебск, 2012–2014.
- СБЛМ-2017 — Сучасная беларуская літаратурная мова / пад агульн. рэд. Д. В. Дзятко. Мінск, 2017.
- СБММ — Сучасная беларуская мова. Марфалогія / рэд. З. І. Бадзевіч, В. П. Русак. Мінск, 2018.
- СБМ-па — Сучасная беларуская мова: для студ. спец. «Пачатковая адукацыя» / пад агульн. рэд. Л. М. Грыгор'евай. Мінск, 2011.
- СПЗБ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5-ці т. / рэд. Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск, 1979–1986.
- СУМ — Словник української мови / голов. наук. ред. В. М. Русанівський, наук. кер. В. А. Широков. Київ, 2012.
- ТС — Тураўскі слоўнік: у 5-ці тамах / А. А. Крывіцкі [і інш.]. Мінск, 1985.
- ТСБМ-1977–1984 — Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: [у 5 т./ 6 кн.] / рэд. К. К. Атраховіч (К. Крапіва). Мінск, 1977–1984.
- ТСБЛМ-2016 — Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / І. Л. Капылоў [і інш.]. Мінск, 2016.
- Цыхун 1993 — *Цыхун Г. А.* Арэальныя аспекты фарміравання славянскіх літаратурных моў. Мінск, 1993
- ШГБМ-1927 — *Лёсик Я.* Школьная граматыка беларускай мовы. Мінск: Белдзяржвыд, 1927.
- Шчасная 2017 — *Шчасная К. Д., Марозава А. А.* Класны, клёвы, файны. Выяўленне частотных размоўных і слэнгавых слоў сярод беларускамоўнай моладзі // Маладосць. 2017. № 2. С. 85–90.
- ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Р. У. Краўчук і інш.; рэд. В. У. Мартынаў. Мінск, 1985. Т. 3: Г–І.
- LRKŽ — *Lyberis A.* Lietuvių-rusų kalbų žodynas = Литовско-русский словарь. Viulnius, 2008.

Summary

Ekaterina Goncharenko

The dynamics of the dialectal base in the modern Belarusian language

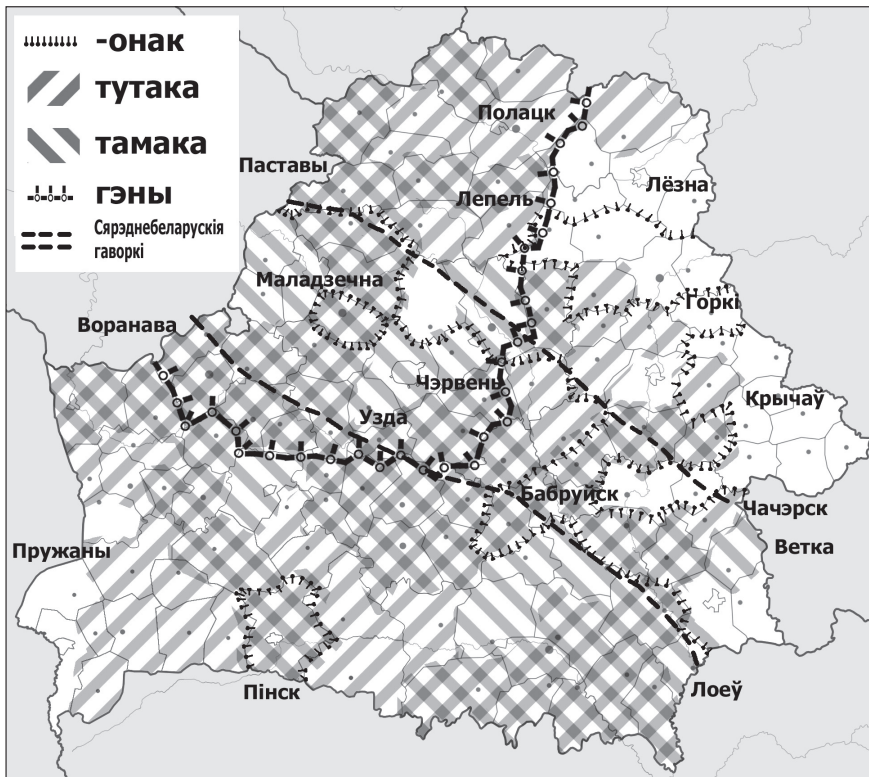
This article observes the tendency of active introduction to the literary language (literature, drama, media and internet-publications) of dialect lexica, derivations variants and grammatical forms. By reconstructing the borders of the most popular dialectic units on the maps, there is making conclusion about the regional influence and transformation of dialectal base of the Belarusian language.

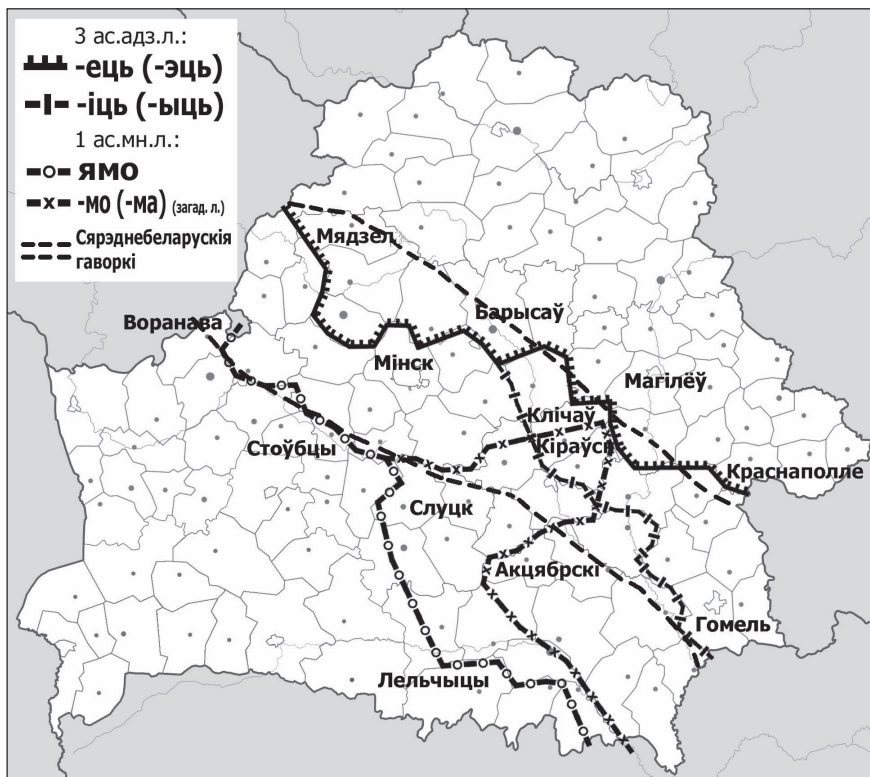
Карта 1. Распространение диалектных названий животного мира

Карта 2. Распространение диалектных названий растительного мира

Карта 3. Словообразовательные варианты в диалектной речи

Карта 4. Распространение в диалектной речи окончаний *-ець (-іць)* в 3 л. ед. ч., *-мо (-ма)* в 1 л. мн. ч.